

ПОСЛЕДНИЙ СОН

Полночи, часов до трёх
Пялишься в потолок,
Считаешь слонов, баранов,
Спички, рубли и проч.
Меня разрывает ночь
Клыками левиафанов.

Счёты с земным свести,
Дремать на твоей груди,
Горячей, как тень в пустыне.
Мне снится: корабль-смерть
Разбился о круговерть,
Застрял в грозовой пучине.

Взгляни на мое лицо
И острое вставь словцо,
Мол, к берегу Ахерона
Когда доплывёт твой плот,
Всё сделай наоборот
И чувствуй себя как дома.

Когда умру, а это будет
Не скоро — завтра, через год, —
Меня любимая забудет,
Но горько песенку споёт:
«Мой костёр в тумане светит,
Ночью нас никто не встретит».

И под плитой невыразимой,
Могучей мраморной плитой,
Я прорасту, как злак озимый,
Спасённый песенкою той:
«Ты на мне узлом стяни,
Мы сходились в эти дни».

Тяжкой долею гонимы,
Связаны одной судьбой,
Мы входили в магазины,
Закупались колбасой,
Пивом светлым, пивом тёмным,
Водкой тёплой, как навоз.
И гудел о чём-то стремном
Одноглазый паровоз.

Светит месяц, светит чистый,
Как цыганка в золотом,
Мы его в ломбард на Чистой
До аванса отнесём.
Нет, не думы роковые
Хмурят белое чело.
Это деньги «гробовые»
Тратить времечко пришло.

Я добрался до конечной
Остановки, где тупик.
Там мороз бесчеловечный
До костей в меня проник.
И остался, как заноза,
Лет на семьдесят вперёд.
Долгожданная мимоза
Всё никак не расцветёт.

Никому ничего не прощу,
Всё запомню и в гроб утащу,
И под землю, где толпы родные
Колобродят у адских котлов,
Отнимают у новых послов
Деревянные «гробовые».

Во дворе молотили толпой.
Помню каждого, Боже ты мой,
(Причитаю: «Не больно, не больно»)
Самый младший привстал и тишком
Два ребра раздробил сапогом,
И заржал, типа, это прикольно.

И потом обижали не раз.
Армянин материл, пидарас,
С мамой нас за пустые корзины
И за то, что её костыли
С громким треском касались земли,
Отпугнув двух старух от витрины.

Хватит сил, чтобы память напрячь,
И простить, ибо я — не палач.
За меня вам уже отомстили:
Положили в осиновый гроб,
На прощание чмокнули в лоб,
На веревках поглубже спустили.

Е. В.

«Кизляр» дешёвого разлива
Шумит, как море, торопливо
Взбивая у висков
Седую прядь, и вместе с пеной
Испепеляет постепенно
Изгиб твоих следов.
...Босою девочкой осталась...
Вот поэтическая слабость —
Запоминать не так.
Придумать вечер черноморский,
И верить в этот бутафорский
Рифмованный бардак.
А смерть — всегда плохая проза.
Вот героине пред кончиной
Мерещится в бреду:
То свет в туннеле первозданном,
То ангелочек в карамельном
Полупальто.
Случилось быстро и без боли.
Как будто тело распороли,
Побрезговав душой.
Осталось жить и верить в чудо,
«Кизляр» ещё горит покуда
Палёною звездой.